

ВАДИМ ПАНОВ

ИСКАЖЕНИЕ

ШЕСТАЯ ГЛАВА

МАКАМ XII. ЛЮБОВЬ ВО ВРЕМЯ ЗИМЫ

Магический реализм Вадима Панова

Вадим Панов

**Искажение. Шестая
глава (МАКАМ XII.
Любовь во время зимы)**

«Панов Вадим»

«ЭКСМО»

2018

Панов В. Ю.

Искажение. Шестая глава (МАКАМ XII. Любовь во время зимы) / В. Ю. Панов — «Панов Вадим», «Эксмо», 2018 — (Магический реализм Вадима Панова)

Долгожданное продолжение знаменитого мистического романа «Отражение». Шестая глава ...Истории, отражающие привычный мир в глади тёмной воды. Истории, в которых бьётся поэтическое сердце. Истории, в которых мстит за сломанную жизнь несчастная ведьма, таинственный Портной создаёт невероятных существ, а страшное порождение Тьмы рыдает на могиле невинной девочки. Истории, в которых легенды обретают плоть реальности, а любовь побуждает к подвигу. Истории, в которых есть улицы Москвы и Санкт-Петербурга, призраки Севастополя и море, в отражении которого прячется само время. И Пророчество, исказившее Вселенную под аккорды русского рока.

© Панов В. Ю., 2018
© Панов Вадим, 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

18

Вадим Панов
Искажение
Шестая глава
МАКАМ XII. ЛЮБОВЬ ВО ВРЕМЯ ЗИМЫ

*А если там, под сердцем, лёд,
То почему так больно жжёт?
Не потому ли, что у льда
Сестра – кипящая вода¹...*

INGRESSO

Где отражаются мечты?

В душе? В глазах? Или в замечательных, очень добрых снах, что приходят после тусклого, переполненного чужими отражениями дня? В столь прекрасных снах, что после пробуждения они вызывают горький привкус тоски, а красота Вселенной блекнет серостью поздней осени, не в силах соперничать с отражением вечной мечты о счастье.

О простом человеческом счастье, смысл которого невозможно передать словами, потому что никто, абсолютно никто не знает, где он будет счастлив. С кем? Когда... Однако все к нему стремятся, видя в счастье смысл. Все стремятся, потому что этот приз – самый ценный. Все стремятся, потому что стремление дарит надежду на избавление от стылой повседневности.

Но где отражается счастье?

Где можно увидеть тепло души? В глазах? В снах? В мечтах?

И что оно – счастье?

Сила? Богатство? Власть? Вершина?

Что успокоит душу и сделает её счастливой?

Что заставит позабыть о скуке будничного движения? А что вылечит душу, если она кровоточит?

Не стонет, не болит, не беспокоится, а кровоточит, как пронзённая кинжалом невеста: только что счастливая, полная мечтаний и надежд, и вдруг – изумлённая, потерявшая всё, ещё живая, но почти умершая...

Умиращую душу легко узнать – она живёт лишь в снах. И даже не живёт – оживает, ненадолго сбрасывая с себя тёмную пелену смерти, когда снится тот, чья улыбка сводила с ума. Когда снится, как берёт он за руку и ведёт за собой, прочь... прочь от тьмы городов и зла их камня, от чудовища, которым она стала, и чудовищ, которые с ней рядом. Когда он берёт за руку и уводит в мир, где она не рыдает по ночам, мечтая повернуть вспять время, а кинжал остался в ножнах и не пронзил душу.

Не было никакого кинжала.

Что сделает счастливой душу, которая умерла, но продолжает помнить?

А значит, ещё не умерла... Навсегда осталась в прекрасном, добром сне, в котором любимый мужчина жив и мягко берёт её за руку...

¹ «Любовь Во Время Зимы», группа «Мельница».

Неужели счастье можно отыскать лишь во сне? В эфемерном, красивом, как россыпь звёзд, и таком же далёком... в тёплом, как дыхание матери... в настоящем...

Неужели счастье может быть только настоящим?

Она как безумная, ждала сны, в которых любимый мужчина улыбался и брал её за руку. И люто ненавидела их. Была счастлива и горько рыдала, открывая глаза. Мечтала найти место, где не отражается её горе, а потом поняла, что в мире такого места нет. И если она хочет быть счастливой, нужно изменить мир.

Или сжечь его.

Дотла.

PUNTO

Мир несправедлив.

А его Отражение несправедливо вдвойне – опасное, жестокое, подлое... Оно не ждёт удобного момента, бьёт всегда, и всегда – наотмашь, и плевать, отбился ты, ускользнул или выставил блок: следующий удар последует обязательно, хоть по живому, хоть по мёртвому, чтобы убить и поиздеваться над бездыханным телом. Если не готов к бою – уйдёшь без мучений, не успев сообразить, что произошло. Если готов – сопротивляйся, сражайся изо всех сил, как в последний раз, и, может быть, тебе улыбнётся удача.

Может быть, останешься в живых...

На этот раз.

Ориген хорошо знал правила Отражения и бился насмерть, хотя на удачу не рассчитывал. Понимал: не для того его выследили в горной балканской глуши, одурманили то ли наркотиком, то ли магией и увезли за несколько тысяч километров, чтобы оставить хоть один шанс на спасение. Нет. И удача, и надежда отвернулись, его обязательно убьют, и Ориген мечтал только о том, чтобы захватить с собой как можно больше охотников. При этом понимал, что главных врагов, тех, для услады которых его изловили, убить не сможет, и готов был удовлетвориться слугами. Пусть прольётся их кровь – неблагородная. Главное, что она прольётся!

Напоследок.

И пока у Оригена получалось.

Первой жертвой стал сторож, неосторожно приблизившийся к очнувшемуся, но продолжавшему лежать на полу клетки пленнику: Ориген выждал удобный момент, резко вскочил и ударил врага передним копытом, раскроив череп и крепко разозлив его дружков. Пленника вырубил электрошокером и, возможно, попинали ногами – на это намекали ссадины и ноющие рёбра. В следующий раз Ориген очнулся в заповеднике, посреди небольшой лесной поляны, и понял, что ему уготована участь дичи. Гордость почти заставила Оригена отказаться от грязной и унижительной игры с предсказуемым финалом, но ярость потребовала: «Убивай!», и он не стал противиться.

«Убивай!»

Ориген принялся, прислушался, вычислил, где находятся охотники, и побежал... Но не прочь, а на них, атаковал, неожиданно зайдя с фланга, не пытаясь вырваться, а чтобы убить, чтобы пролить как можно больше крови, и прежде чем охотники это поняли, отправил на тот свет ещё двоих: загонщика и зазевавшегося псаря. И отступил, наслаждаясь злобными воплями смердов, которые не могли отомстить. Не имели права. Охота устроена для хозяев, и того, кто хоть пальцем тронет «дичь», до смерти забьют палками.

У псаря Ориген забрал карабин с двумя десятками патронов, а поскольку стрелял он великолепно, в заповеднике началась бойня.

* * *

– У нас ещё два трупа, баал, – доложил Шварц, останавливаясь в шаге от прискакавшего Ястребиного. – Ориген застрелил загонщиков и пополнил запас патронов.

Трусливый Шварц ожидал от хозяина вспышки лютого гнева, но ошибся.

– Это лучшая охота в моей жизни! – расхохотался Гаап. И тут же поправился: – Одна из лучших! Мне весело, Шварц! Мне очень весело!

И с удовольствием прислушался к доносящимся из леса выстрелам.

Запах пороха и крови, крики и хрипы умирающих, страх, отчётливо читающийся в глазах ещё живых смердов – смешение смертельных чувств будоражило Ястребиного, он бы с радостью вернулся в лес, в погоню, в горячку по-настоящему опасной охоты, но неотложный разговор заставил Гаапа отправиться к базе – комплексу бревенчатых домов с баней и конюшней, стоящих на берегу искусственного пруда. Ястребиный срочно вызвал Авадонну и не хотел заставлять карлика ждать.

– Прекрасная охота! Шварц, ты молодец.

– Спасибо, баал, – склонил голову помощник.

Гаап спрыгнул с лошади, кинул поводья рабу и потрепал Шварца по плечу:

– Где ты отыскал этого зверя?

– Оригена давно рекомендовали, как яростного бойца, баал, но я не торопился его привозить: берёг для особого случая.

– И правильно делал, – одобрил Ястребиный, доставая из карманного футляра сигару и срезая кончик. Шварц тут же поднёс хозяину зажигалку. – Охота удивительно хороша, Авдей резвится, как ребёнок, и считает, что мы постоянно так веселимся...

– Да, баал.

– Проследи, чтобы именно Авдей поставил точку в представлении.

– Разумеется, баал.

Шварц исчез, повинуясь едва заметному движению бровей хозяина, и Гаап уверенной походкой направился к карлику, терпеливо ожидающемуся аудиенции у лимузина. Пошёл, хотя по этикету примчаться должен был младший по статусу Авадонна, но Гаап рассудил, что карлик достаточно прогнулся, явившись в заповедник по первому зову, и заслуживает поощрения.

– Привет, Авадонна.

– Добрый день, Гаап.

Сладкий голос карлика прозвучал настолько почтительно, что вместо «Гаап» послышалось «баал». Ястребиный улыбнулся и кивнул, показывая, что доволен.

Держался Авадонна соответствующе: немного скованно и без привычной вальяжности, по сторонам не смотрел, сосредоточив всё внимание на Гаапе, так что даже по жестам было понятно, что Ястребиный – главный. Несмотря на то, что карлик щеголял по заповеднику в дорогом костюме, а Гаап пришёл на встречу в грязном камуфляже.

– Хороша ли охота? – светским тоном осведомился Авадонна.

– Прекрасна, – Гаап пыхнул ароматным дымом и растянул губы в знаменитой «ястребиной» улыбке. – Шварц отыскал великолепную дичь, уже семь смердов сдохли.

– Слышал, ты дрессируешь Авдея? – обронил Авадонна.

– А что не так?

– Вас не должны видеть вместе, – поспешил объяснить карлик, опасаясь вспышки гнева.

Но её не последовало: Гаап пребывал в отличном настроении, которое ничто не могло испортить.

– Знаю, – поморщился он. – Но Авдей такой игривый, так искренне желает познать Тьму... Мне нравится доставлять мальчику удовольствие... Во всех смыслах слова.

Чувствовалось, что баал увлечён молоденьким принципалом больше, чем пытался продемонстрировать, но Ястребиный мог себе это позволить: Первородному его ранга путь к свету заказан, так что грешники лишь посмеются, узнав о новом фаворите своего баала. А вот органики...

– Из-за вашей связи могут взбунтоваться органики, – негромко произнёс Авадонна. – Я понимаю, что Авдей – бессмертный принципал, но он не должен забывать, что все его умершие предки тоже были бессмертными принципалами. – Карлик выдержал короткую паузу. – Надо объяснить мальчику, что власть устроена гораздо сложнее, чем ему кажется, а его личное бессмертие может спасовать перед ловкостью убийцы.

– Надо... – согласился Ястребиный. – И дело, из-за которого я попросил тебя приехать, как раз связано с ними, с органиками.

– Объявляем войну? – пошутил карлик.

– Не сейчас. – Гаап попытался сигарой, огляделся и чуть понизил голос: – Авдей хороший мальчик и высоко ценит нашу дружбу, поэтому постеснялся сказать лично... но передал через дьяка-меченосца Айзермана своё неудовольствие смертью Лаврича.

– Что значит «неудовольствие»? – не понял карлик.

– Сколько значений есть у этого слова? – поднял брови Ястребиный, удивлённый непонятливостью обычно смышлёного Авадонны.

А карлик действительно растерялся, поскольку считал историю Лаврича законченной и закрытой. И ещё считал её выгодной Первородным: предыдущий дьяк-меченосец, член Первой Свиты Лаврич оказался бешеным Сердцеедом, запятнавшим себя многочисленными убийствами детей и в конце концов погибшим от руки мстителя, двойника, рождённого в Великое Полнолуние. Скандал привёл органиков в смущение и стал очередной победой Тьмы.

– Авдей высказывает нам претензии за смерть Лаврича? – выдавил из себя карлик, сообразив, что пауза неприлично затягивается.

– Да, – кивнул Гаап, попыхивая сигарой.

– Почему?

– Потому что Ольгин – тёмный, – объяснил Ястребиный. – Ольгин – сын Великого Полнолуния, вскормленный энергией Ша и вызванный Порчей.

– Лавричу надо было внимательнее выбирать жертву и не трогать сестру Первородной, – пожал плечами опомнившийся Авадонна. – Он забыл, что Москва – не его ферма, на которой можно кормиться, как душе угодно и кем угодно. Ольгин и Порча отомстили...

– Лаврич мёртв, а бессмертный принципал органиков недоволен, – сухо перебил карлика Гаап. – Моему мальчику кажется, что его оскорбили, он стал задумчивым и хмурится, а мне не нравится, когда он хмурится. И не нравится, когда он становится обидчивым. Ты меня понимаешь?

В ответ Авадонна едва не выругался. Вслух.

В отличие от подавляющего большинства грешников, карлик был не «би-», а чётко выраженным «гетеро», о его любовных подвигах слагали легенды, но при этом он не подпускал многочисленных любовниц к серьёзным вопросам, жёстко отделяя дело от удовольствий.

И до сих пор не замечал подобного за Гаапом.

– Чего хочет Авдей? – спросил карлик, постаравшись, чтобы имя мальчика прозвучало уважительно.

– Дьяк-меченосец Айзерман сказал, что до сих пор органики не трогали Ольгина из вежливости, ждали, что мы сами с ним разберёмся. И я думаю, нужно пойти им навстречу, – ответил Ястребиный. – Авдей молод, ему понравится знак внимания.

– Молод и глуп, – добавил Авадонна.

– Да, – не стал отрицать Гаап. – Но его глупость нам на руку, а его красота и молодость меня возбуждают. И мы сделаем так, как юноша хочет.

– Конечно, сделаем, – кивнул карлик. Он уже взял себя в руки и вернулся к обычному деловому тону. – Твоё слово – закон, Гаап, но я прошу не забывать, что мальчик всё равно наш враг. День – наш враг. Органики – наши враги.

– Почему же ты не сражаешься? – усмехнулся Ястребиный.

Авадонна осёкся.

– Ты не сражаешься, друг мой, потому что всем доволен, – ответил на свой вопрос Гаап, пыхнув сигарным дымом почти в лицо собеседнику. Сверху вниз. – Потому что Божественные пляшут в твоих сетевых шоу вместе с органиками. Потому что они убивают с тем же безразличием, что и грешники, и с таким же азартом пытаются врагов... Ты не сражаешься, друг мой, поскольку знаешь, что я действую правильно, и всякий раз, когда я трахаю Авдея, он становится чуточку темнее, а вместе с ним темнеют его подданные. Тьма привлекательна, Тьма обещает гораздо больше Дня: больше удовольствий, больше власти. Рано или поздно мы растворим органиков в себе, но ты... – Ястребиный наклонился к карлику, – ты – молодец, друг мой, твоя твёрдость необходима на тот случай, если я чересчур увлекусь сладким мальчиком и совсем потеряю голову.

– Такого не случится, – сглотнув, прошептал Авадонна. – Ты темнее всех, кого я знаю.

– Но ты всё равно приглядывай за мной, – рассмеялся Гаап. И вернулся к делам: – Мы не можем сами устранить Ольгина, не хочу, чтобы по городу ползли ненужные слухи о том, что мы пляшем под дудку органиков.

– С этим я полностью согласен.

– Надо использовать Братство, – закончил Ястребиный, не обратив внимания на то, что карлик его перебил.

– «Mortem Monstrum»?

– Ты знаешь другое?

– Извини, Гаап, сглупил, – опомнился Авадонна. – Использовать Братство – хорошая идея, они любят устраивать публичные расправы.

– Мне кажется, или я слышу в твоём голосе презрение? – неожиданно поинтересовался Ястребиный.

– Я знал настоящих истребителей и когда-то еле отбил от них, – с улыбкой напомнил карлик. – А теперь они едят у нас с ладони и не трогают Первородных без разрешения.

– Я понимаю твоё отношение, друг мой, но будь политиком, – Ястребиный вновь попытался сигарой. – Держи себя в руках, как держу себя в руках я. Улыбайся им, показывай, что уважаешь. И помни: Первородные уже выше всех без всякой войны. Мы сделали Зло глобальной идеей и скоро сбросим маски. Нужно немного потерпеть.

– Гаап, ты ведь знаешь, что я всё понимаю, – кивнул Авадонна. – Я переговорю с Братством и организую устранение Ольгина. – Он выдержал паузу. – Но Ленку мы не тронем.

– Она тебе нравится?

– Если Братство уберёт Порчу, все поймут, что органики мстят за Лаврича.

– И хорошо: мстить за Сердцеда – моветон.

– Но от нас будут ждать ответных действий, – продолжил карлик. – Смерть Ольгина не привлечёт внимания – он бирюк, а убийство Порчи может закончиться войной.

Несколько секунд Ястребиный обдумывал слова Авадонны, после чего кивнул:

– Порчу не трогаем.

– Хорошо...

Тем временем стрельба в лесу прекратилась и сменилась рёвом двигателей, сначала далёким, путающимся среди равнодушных деревьев рычанием, но постепенно приближающимся,

и в тот момент, когда Гаап вынес решение по поводу Порчи, к базе подъехали четыре квадроцикла.

– Мы сделали! – закричал сидящий в первой машине юноша, специально притормозив у парковки. – Мы его поймали! Я его поймал! Я выстрелил в него сеть и поймал!

И помчался дальше.

– Разве он не прелесть? – улыбнулся Гаап.

– Шустрый мальчишка, – согласился Авадонна. – А главное – совсем ручной.

– Ещё нет, но будет, – Ястребиный негромко рассмеялся. – Зачем воевать, если можно затуманить им головы толерантностью? Если можно сказать, что мы – невинные жертвы безумия Древних, что мы не хотели воевать... Зачем воевать, если можно без усталости повторять о «тяготах войны» и врать о том, что творили воины-меченосцы с «невинными ведьмами». Повторять враньё так долго, что дети органиков начнут верить, что их отцы и деды ничем не отличались от наших... Зачем воевать, если можно объяснить, что мы все одинаковы и способны «мирно сосуществовать»? Зачем воевать, если можно постепенно сделать их такими, как мы? Они ведь не замечают, как темнеют... просто живут, перенимают наши принципы, меняются... Пусть не сразу, но я терпелив.

– Изменятся не все, – заметил Авадонна.

– Знаю, – рассмеялся Ястребиный. – Тех, кто не изменится – убьём.

– Гаап, полюбуйся!

Вслед за квадроциклами появился грузовик, в кузове которого стояла клетка с бешено орущим, бьющимся о прутья гигантским кентавром, раза в полтора превосходящим обычных сородичей, а значит, из королевского клана. Седая борода и многочисленные шрамы на торсе указывали, что кентавр изрядно пожил, а лютая ненависть в глазах – что хотел бы пожить ещё.

– Ориген? – тихо спросил Авадонна.

Удивлённо.

– Знаешь его? – поднял брови Гаап.

– Встречались, – медленно ответил карлик, разглядывая ярящегося кентавра. – Что с ним станет?

И чувствовалось, что судьба Оригена ему небезразлична.

– Ответишь на мой вопрос? – молниеносно сменил тему Ястребиный.

– Конечно, – вздохнул Авадонна.

И мысленно попрощался со старым собутыльником.

– Ты спал с Элизабет?

– Да.

– Так я и думал... – Гаап бросил сигару на землю и растоптал. – А этот дурак Шаб считал, что лишние рога ему наставил я.

– Извини.

– Забудь.

Прозвучало очень понятно: забудь. Оба забудем обо всём: ты о кентавре, я – о том, что сделал со мной Шаб, поверив ложным слухам. Не спрашивай о том, что тебя не касается.

Прозвучало так, что Авадонна, даже если бы хотел, спорить бы не стал. А он не хотел, поскольку понимал, чем может закончиться спор, и не собирался раздражать Гаапа.

«Прости, Ориген... прости, старый приятель...»

Ориген тряс прутья клетки и сыпал проклятиями, охотники – и органики, и грешники – толпились вокруг, тыкали в него пальцами и громко хохотали, не забывая нахвалять напыщенного юнца, напоминающего прелестную куколку, зачем-то наряженную в мужской, сшитый на заказ комбинезон. И лишь один органик – сухопарый, угрюмый мужик, не принимал участия в издевательствах и молча стоял у квадроцикла, равнодушно глядя на толпу. Но за маской его безразличия отчётливо читалось презрение.

– Мне не нравится Айзерман, – произнёс Авадонна, глядя на сухопарого. – Он нас ненавидит. Он такой же, как я, только с той стороны.

– Сейчас это нормально, – проворчал Ястребиный. – А потом останешься только ты.

Карлик поднял глаза и твёрдо пообещал:

– Я всегда буду исполнять твои приказы, Гаап. Любые приказы.

– Поклянёшься? – очень серьёзно спросил Ястребиный.

– Поклянусь. – Авадонна знал, что скоро придётся поклясться, был к этому готов, и потому ответ получился искренним. – Явлюсь, когда прикажешь, и поклянусь на крови.

* * *

– Наш мир не так прекрасен, каким казался в детстве, но не настолько плох, чтобы опускать руки. Он разный, и в этом его достоинство: иногда мир страшен, иногда – вызывает восхищение, иногда мы его не замечаем, двигаясь по жизни с шорами на глазах, иногда обижаемся, считая, что недополучили подарков. Мир переменчив, но мало кто задумывается об этом, предпочитая жить теми эмоциями, которые вспыхивают здесь и сейчас: радуемся, когда нам хорошо, и стискиваем зубы, преодолевая трудности. Мы торопимся и часто не замечаем, что счастливы, принимаем подлинное счастье за очередную светлую полосу, не понимая, что вот оно – долгожданное, то самое, ради которого стоит жить. Торопимся так, что пропускаем его, теряем, а обвиняем в потере мир, несправедливый и безжалостный лично к нам...

– Разве не так? – тихо спросила женщина.

Кирилл вздрогнул, посмотрел на пульт и удивлённо покачал головой: заговорившись, он машинально принял телефонный звонок и не заметил, что монолог превратился в диалог.

– Добрый вечер, сестра-полуночница, – улыбнулся он, спасая положение.

– Добрый вечер, Амон, – грустно ответила женщина.

– Как мне тебя называть?

– Неважно.

– Вижу, ты крепко обижена на мир?

– Чёрная полоса изрядно затянулась, – подтвердила женщина.

– Что случилось?

– Иногда кажется, что меня прокляли.

– Всё сыплется из рук?

– Не всё, – вздохнула она. – Высыпалось однажды, а получилось – навсегда. И я не могу собрать жизнь обратно.

– Рассыпанную жизнь невозможно собрать, её нужно строить заново. Шаг за шагом, кирпичик за кирпичиком, а главное – из другого материала.

– Мне нравится тот материал, который у меня был.

– Ты любила, сестра, – догадался Кирилл. – Крепко любила.

– Какая разница? – грубовато отозвалась женщина.

– Разница в том, что я ничего о тебе не знаю, сестра-полуночница, а ты вряд ли позвонила, чтобы соврать. Здесь только ты, я, ночь... и миллионы слушателей, но для них и для меня ты – всего лишь голос в темноте. Тебе не перед кем держать лицо, сестра-полуночница, а лживый разговор не имеет смысла – ты лишь потратишь моё время и не позволишь поговорить с тем, кому действительно нужно что-то сказать. Или крикнуть. Или спросить совета. Если ты не готова открыться, то положи трубку, подумай, вздохни глубоко...

– Я любила! – перебила Кирилла женщина. – Теперь я понимаю, что любила так, как никогда в жизни. И я была счастлива. А потом... Потом я обрела всё на свете, Амон, действительно, всё, поверь, включая власть, но потеряла любовь. – Она выдержала короткую паузу. – Как думаешь, Амон, любовь стоит всего на свете?

– Ты мне скажи, – тихо ответил Кирилл. – Ты знаешь правильный ответ.
– Если я знаю ответ, то зачем звоню?
– Потому, что боишься его произнести, сестра-полуночница, не вслух – себе. Ты боишься сказать себе то, что давно знаешь, и потому хочешь, чтобы ответил я.
– А ты не ответишь?
– Я никогда не отвечаю, сестра – только советую, и только тем, кто растерян и не знает, чего хочет.
– Я не знаю!
– Ты снова лжёшь, – размеренно произнёс Кирилл. – Точнее, пытаешься солгать. И пытаешься сказать себе, что слаба, хотя давным-давно забыла, что такое слабость.
– Мир несправедлив!
– К тебе?
– Ко всем!
– И что же делать, сестра? Как поступить с миром, который несправедлив?
Несколько секунд в эфире царила полная тишина, затем женщина едва слышно ответила:
– Есть отражение, в котором я счастлива... и я хочу его отыскать.
– Отражение?
– Счастье... – Она судорожно вздохнула. – Я потеряла счастье, рассыпала вместе с жизнью и любовью, и теперь перебираю отражения, пытаюсь отыскать то, в котором до сих пор живёт моё счастье. Такое отражение есть, обязательно есть... Я отыщу его и верну.
– Отражения наполняют мир, а не подменяют его.
– Это – подменит, – твёрдо возразила женщина.
– Что в этом случае станет с миром? – вдруг спросил Кирилл.
– Мир станет чуточку справедливее.

И она отключила связь.

Несколько секунд Амон молчал, слушая короткие гудки, а затем негромко сказал:

– Я не знаю, что произошло у нашей сестры, но догадываюсь, что очень страшное. Я не могу её судить и не стану оскорблять жалостью. Скажу лишь, что тот, кто гонится за тенью, обязательно позабудет дорогу на свет. И я... я хочу поставить для нашей сестры замечательную песню.

Послышался щелчок, и ночную тишину эфира наполнили грустные слова:

Лети, моя душа,
Лети, мой тяжкий рок,
Под облаками блакитными,
Под облаками зенитками в небо,
Под облаками блакитными,
Под облаками зенитками в небо²...

* * *

Небо нависало бетонной ватой – мрачной и несъедобной. Её разложили над Кремлём так густо, словно хотели упаковать хрупкие башни перед переездом, но передумали, или отвлеклись, или переезд отменили, а башни так и оставили – наполовину закутанными в вату облаков, сквозь которую едва проступали яркие звёзды.

² «Лети, моя душа», группа «Ночные снайперы».

Серая панорама казалась нарисованной на широком окне, но Авадонне старая крепость нравилась в любых декорациях, и нынешняя картинка радовала его так же, как любая другая.

– Согласитесь, красиво, – улыбнулся карлик, решив, что они с посетителем достаточно полюбовались на затуманенный Кремль.

– Полагаю, вы специально не меняете этот небольшой офис на что-нибудь более напыщенное, чтобы не лишать себя удовольствия, – улыбнулся в ответ Кросс. – Замечательный вид.

– Вам нравится?

– Безусловно.

– Я провожу в кабинете изрядную часть жизни, Иннокентий, и тщательно продумывал каждую деталь, в том числе – вид из окна. Чтобы не пришлось переезжать.

– Не любите переезды?

– Я несколько консервативен, – улыбнулся Авадонна. – Дом принадлежит мне больше ста лет, земля под ним – ещё дольше, и я не вижу необходимости что-то менять... Чаю?

– Кофе, – ответил толстяк, поняв, что начинается деловой разговор.

– Сейчас принесут, – карлик распорядился, затем жестом указал гостю кресло, расположился напротив и свёл перед собой пальцы: – Вы слышали об убийстве дьяка-меченосца Лаврича?

– Об убийстве Сердцееда? – мягко уточнил Иннокентий.

– И о нём тоже, – кивнул Авадонна. Но не улыбнулся, показав, что шутки закончились.

– Это одно из тех немногих московских событий, которое заинтересовало всё Отражение, – сказал Кросс, откровенно намекнув на провинциальность здешних мест.

Но карлик пропустил шпильку мимо ушей.

– Лаврича убил тёмный, – протянул он, принимая у секретаря чашку с кофе.

– Я бы использовал термин «отомстил», – поразмыслив, ответил Кросс. – Сейчас этот парень работает на кладбище, где похоронена девочка...

– ...которой Лаврич вырезал сердце, – подхватил Авадонна. – Да, грустная история.

– Он назвал себя Ольгиным, – закончил толстяк. – В честь девочки.

Несколько секунд в кабинете царила тишина. Карлик сосредоточенно мешал сахар, а Кросс выпил свой кофе залпом и вертел пустую чашку, ожидая продолжения разговора. Каждый думал о своём.

– Вам он нравится... – протянул Авадонна, поняв, что толстяк нарушать молчание не собирается.

– Нравится, – не стал скрывать Иннокентий. – И я сочувствую Ольгину.

– Он двойник, сын Великого Полнолуния, – поморщился карлик. – В нём нет ничего, кроме зла.

– В нём нет ничего, кроме Тьмы и любви к мёртвой девочке, – поправил баала Кросс. – Я ему сочувствую.

– Не ожидал услышать от вас подобные слова, – признался Авадонна.

– Вы постоянно забываете, что я инопланетянин, – обезоруживающе улыбнулся толстяк. – На Аммердау нет такого разнообразия видов, как на Земле, там живёт лишь мой род, а мы – органики. Безликий тысячи лет занимался нашим воспитанием и добился очевидного успеха. Я жесток, силен, безразличен к смерти во всех её проявлениях, но вот здесь, в той своей части, которую вы, люди, называете душой, я по-прежнему органик. – Иннокентий прикоснулся к груди. – Я ценю благородство и понимаю любовь. Я полностью на стороне Ольгина и сожалею лишь о том, что он не заставил дьяка мучиться перед смертью так, как тот заслуживал.

– Говорят, Элизабет тоже стала понимать любовь, – проворчал Авадонна. – Это её и сгубило.

– Да, я слышал, что на Земле без любви никуда, – усмехнулся Кросс. – Вы даже Древних совратили.

– С Безликим ты вёл себя столь же дерзко? – вдруг поинтересовался карлик, одновременно напомнив собеседнику, с кем тот говорит.

Но особенного впечатления не произвёл: инопланетянин выбранному тону не изменил.

– Я лишён надежды вернуться домой, баал, и дерзость – единственное, что меня спасает от сумасшествия, – размеренно объяснил он, глядя карлику в глаза. – Но если я вас чем-то обидел...

– Меня трудно обидеть, Иннокентий.

– Я имел в виду...

– Я понимаю, что ты имел в виду.

– Спасибо.

Карлик вздохнул. Толстяк приятно улыбнулся.

Иннокентий знал, что находится в полной власти Авадонны, и карлик волен безнаказанно убить его в любое мгновение, но... Но последние десятилетия Иннокентий не жил – существовал и давно перестал ценить то, что мог безнаказанно забрать карлик. Угрозы на него не действовали.

– Я вызвал тебя вот по какому поводу... – сказал Авадонна, медленно допивая кофе. Судя по всему, казнь строптивого инопланетянина откладывалась на неопределённый срок. – Братство планирует устранить Ольгина, хочет показать Отражению, что тёмные не имеют права на столь наглые выходки.

– Осмелюсь напомнить, что Ольгин один на один справился с дьяком-меченосцем, – в тон карлику ответил Кросс. При этом было видно, что новость его не обрадовала. – Он необычайно силен.

– Братство его достанет.

– Вы могли бы оказать бедолаге своё покровительство.

– Бедолага мог бы попросить моего покровительства, но не стал. А сейчас его смерти требует принципал, так что вмешиваться я не намерен.

– Понимаю, баал.

– Ольгина убьют, в этом нет сомнений, – твёрдо продолжил Авадонна. И после паузы добавил: – Но можешь не беспокоиться – Порчу Братство не тронет.

– Спасибо, – обронил Иннокентий.

– Не просто «спасибо», – обронил карлик.

Мужчины вновь помолчали.

– Что я должен сделать? – тихо спросил Кросс, глядя на Кремль – серая вата стала медленно подниматься в серое небо, подталкиваемая разозлившимся ветром, и теперь старые стены виделись настолько чётко, что можно было разглядеть каждый кирпичик.

– Получилось так, что на Преображенском кладбище работает Мастер Скорбных Дел – по моему приказу, – негромко сообщил Авадонна. – Я не хочу, чтобы истребители помешали ему или даже просто заглянули в Каменный цех. Ты должен проследить за этим.

Задание показалось лёгким, слишком простым за услугу, которую оказал карлик, выведя Ленку из-под удара, и толстяк осторожно уточнил:

– До какой степени вы этого не хотите, баал?

– Ты волен делать всё, что сочтёшь необходимым.

В переводе на обычный русский, без дипломатических экивоков: можешь перебить истребителей, если того потребуют обстоятельства.

Жёстко. Очень жёстко, если учесть, что Братство и Первородные старались не выходить за давным-давно установленные рамки, а в последнее время их нейтралитет стал всё больше приобретать черты крепкой дружбы. Распоряжение карлика могло взорвать сложившуюся картину, но...

Но Иннокентия интересовало другое:

– Я тоже не должен видеть работу Мастера?
– Если увидишь, у тебя останется два пути: стать моим верным псом или застрелиться.
– Почему именно застрелиться? – растерялся толстяк.
– Из вежливости, – холодно ответил Авадонна. – Чтобы я не тратил время.
– Но почему застрелиться?
– Вряд ли ты сможешь повеситься, – язвительно ответил карлик. – Насколько мне известно, чтобы перекрыть трахею насекомому...
– Понятно, понятно... – Кросс задумчиво улыбнулся. – А что с Ольгиным?
– Мне на Ольгина плевать, – пожал плечами Авадонна и посмотрел на часы, показывая, что разговор затянулся. – Я ему не враг, и Авдею не враг, и тебя я не нанимал. Я – старый, маленький баал, и мне нужно одно: чтобы Мастеру Скорбных Дел не мешали. Всё остальное на твоё усмотрение.

* * *

На кладбищах всегда холодно...

Сначала это утверждение покажется смешным и нелогичным суеверием, не имеющим никакого отношения к реальности: как может быть холодно в тридцатиградусную жару? Или тому, кто тепло оделся зимой? Но если отбросить предубеждения, то суеверие неожиданно окажется фактом: на кладбищах холодно. Хоть зимой, хоть в летний день, как ни одевайся, как ни кутайся – холод обязательно достанет. Скользнёт по щеке леденящим поцелуем, погладит руку, пробежится по пальцам, мягко обнимет за шею или вцепится в ноги... или, что самое неприятное, заползёт внутрь и прикоснётся к душе, напоминая, что когда-нибудь ей обязательно станет холодно... смертельно холодно...

На кладбищах всегда так.

Может, потому, что они отражают жизнь?

Саму жизнь?

Отражают в фотографиях и полированном камне, в каплях росы на ограде, в стеклянных вазах и лампадах. В тенях, которые пламя свечей бросает на обелиски...

Жизнь отражается в образе кладбища и возвращается в мир, наполняя его жгучим холодом той стороны, и поэтому Виссарион Обуза на кладбищах бывать не любил, ни днём, ни ночью. Но бывать приходилось. С недавнего времени – на Преображенском кладбище и довольно часто. О своих визитах Виссарион обязательно предупреждал, и потому калитка, несмотря на поздний час, была открыта. А вот сторож отсутствовал, но это обстоятельство Обузу не смутило – он хорошо знал, где проводит ночи Ольгин, и не ждал его увидеть. Пройдя через калитку и не заперев, а лишь прикрыв её за собой, книжник неспешно добрался до Каменного цеха, постучал, тут же открыл дверь, вошёл, снял шляпу и вежливо кивнул Мастеру Скорбных Дел:

– Желаю здравствовать.

– Желаю, – отозвался тот, спокойно разглядывая длинного и ушастого посетителя. – Вы принесли?

– Конечно. – Обуза достал из потёртого портфеля толстый фолиант в тиснёном кожаном переплёте и протянул Мастеру. – Это финальная библиотека символов Крепости, подобранная для Садового кольца.

– Порядок следования камней?

– Указан.

– Очень хорошо.

– Двое ворот: Ленинградские и Таганские, – добавил Виссарион. – Как хотел Авадонна.

– Прекрасно.

Мастер помолчал, переложил книгу из правой руки в левую, а затем кивнул:

– До свидания.

Судя по всему, ему не терпелось вернуться к работе.

– Вы обещали разрешить... посмотреть, – напомнил Обуза. Он отдал книгу и теперь мял в руках шляпу. – Мне очень интересно увидеть... – Из соседнего помещения, которое, собственно, и было цехом, слышался стук молотка. – Я ведь не помешаю?

– Не мешаете, – улыбнулся Мастер. – Но внутрь я вас не пушу, смотрите с порога.

– Хорошо, – обрадовался Виссарион. – Я одним глазком...

Мастер подвёл книжника к дверям, чуть приоткрыл створку и позволил заглянуть в щель.

В довольно большое помещение, в центре которого сидел за верстаком крепкий мужчина в сером от пыли комбинезоне. Уникальный резчик по камню, пропавший «где-то в Европе» – Письменник, спрятавшийся от глаз Отражения на старом московском кладбище.

Мужчина работал: смотрел в раскрытую книгу, определяя следующий символ, затем, не глядя, брал с верстака нужный инструмент – в этот момент раб слева подносил чистую плитку, – сноровисто вырезал на оборотной стороне нужный символ, и готовый камень тут же забирал раб справа. Письменник же вновь обращался к книге, иногда слюнявя палец, чтобы перевернуть страницу. И вновь брался за работу, вырезая очередной знак на очередном камне, который ляжет на московскую улицу.

Плитка за плиткой...

Иннокентий ошибался, когда спрашивал о большом строительстве: Авадонна возводил магические стены, скрытые и от Дня, и от Отражения, и ему не требовалось их каменное воплощение – достаточно выложить в правильной последовательности символы, образующие заклятие Крепости, и в нужный момент они сольются, превратившись в непреодолимую преграду.

– Он быстро работает, – прошептал Обуза, с уважением глядя на Письменника.

– Он молодец, – так же тихо произнёс Мастер. – Мы закончим Садовое кольцо через пару месяцев и надёжно защитим старый город. Затем двинемся дальше...

Ответить Виссарион не успел: снаружи послышались едва различимые хлопки, Мастер Скорбных Дел тут же закрыл дверь, на цыпочках подбежал к окну, пару секунд постоял, не шевелясь, после чего вздохнул:

– У нас какой-то кавардак со стрельбой.

– Я тогда побуду здесь, – просительным тоном произнёс Обуза. – Не хочу попасть под пули.

* * *

Мужчины, подъехавшие к Преображенскому кладбищу в большом чёрном внедорожнике, были полны решимости вернуть проклятое существо во мрак, из которого оно вылезло. Мужчин было четверо: разного возраста, цвета кожи и сложения, походящих друг на друга лишь удобной чёрной одеждой – короткие куртки, под которыми легко прятать оружие, широкие штаны, точно подогнанные ботинки, – и аурой опасности. Не зла, а именно опасности, чётко говорящей о том, что четверо – воины. У самого длинного когда-то была порвана шея, не ножом – когтями, и потому его звали Рваным. Коротышке сломали нос, вдавили в лицо мощным ударом, но убить не смогли. Третий, по кличке Классик, «щеголял» скрюченным ухом, а левая щека четвёртого – главаря – была сильно обожжена. В Москве его знали под псевдонимом Сапёр.

– Ты уверен, что Ольгин здесь? – негромко спросил сидящий за рулём Классик.

– А где ему быть? – хмыкнул Сапёр. – Ночь ведь...

– И дождь накрапывает, – добавил Коротышка. – В такую погоду твари любят погулять.

– Ольгин редко уходит с кладбища, – закончил Сапёр, не особенно довольный вмешательством Коротышки. – Он здесь сторож.

– Смешно, – вставил своё слово Рваный.

– Скорее, логично, – не согласился Классик. – Мрак к мраку, смерть к смерти.

– Это мы ему обеспечим.

– Ольгин каждую ночь сидит у могилы девочки, за которую мстил, – буркнул Сапёр. – Она была чистой душой и не хотела, чтобы он стал зверем. Но парень не смог пересилить себя, принял Первородный грех, чтобы отомстить за смерть любимой, и теперь пытается вымолить прощение.

– Откуда ты знаешь? – удивился Рваный.

– Я обязательно изучаю тех, кого предстоит убить, – ответил командир. – Поэтому до сих пор жив.

– Ольгин всё равно монстр, – сухо сказал Классик. – Он – двойник, рождённый в Великое Полнолуние на крови человека. В нём есть только Тьма, и он должен сдохнуть.

– Сдохнет, – спокойно пообещал Коротышка, доставая из кобуры пистолет.

На котором отчётливо виднелась гравировка «MORTEM MONSTRUM».

* * *

– Днём я ездил в Александровский сад. Накатили воспоминания о том, как мы гуляли и я рассказывал тебе историю Кремля и каждой его башни... Помнишь? Наверное, помнишь, ведь тебе нравились мои рассказы, как ты могла их забыть... А нравились они потому, что я изо всех сил старался сделать их интересными. Ты даже не представляешь, сколько книг мне пришлось прочитать... – Мужчина вздохнул. – Мы садились на лавочку напротив башни или стояли, если не находили свободного места, и я принимался за очередную историю... Поверь, это не был простой пересказ того, что я прочитал днём – я создавал новые истории, привносил в них нечто своё... – Ольгин помолчал. – В саду сейчас много туристов, не протолкнуться, но всё равно хорошо. Башни на месте, строго смотрят сверху вниз, и среди суеты сада кто-то – я в этом уверен – рассказывает истории тому, кого любит. И я пожелал, чтобы у них всё сложилось лучше, чем у нас. Я пожелал им счастья...

В темноте холодного кладбища Ольгин казался несокрушимой глыбой, массивным надгробием, зачем-то поставленным рядом с могилой пятнадцатилетней девочки. Высокий, больше двух метров ростом, феноменально сильный, он даже сидя на лавочке казался скалой, а уж когда вставал, и вовсе превращался в немыслимого гиганта. В одежде он предпочитал чёрное – короткий плащ, футболка, джинсы и тяжёлые ботинки, на пальцах – чёрные перстни, а на его лицо навсегда легла мрачная печать Великого Полнолуния. И с тех пор как Ольгин взялся сторожить кладбище, хулиганы обходили это место стороной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.